

ПОНЯТИЕ «ИМУЩЕСТВО» В ПРАВОПОЛОЖЕНИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

1. В соответствии со ст. 19 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹ (далее – Конвенция) в целях обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя государствами – участниками Конвенции, был учрежден Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ). Таким образом, ЕСПЧ представляет собой независимую международную организацию, учрежденную государствами – участниками Конвенции для цели контроля за соблюдением этими государствами прав и свобод, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней.

Указанная цель (контроль за соблюдением государствами – участниками положений Конвенции и Протоколов к ней) определяет деятельность ЕСПЧ – деятельность международного органа, осуществляющего свои функции в судебной форме. Именно судебная форма контроля за соблюдением Конвенции государствами – участниками принятых обязательств, равно как и возможность частных лиц обратиться с жалобой на нарушения их прав в конкретном государстве, стали составляющими авторитета и столь возросшей в последнее время популярности ЕСПЧ.

Государства – участники Конвенции приняли на себя обязательства обеспечить каждому находящемуся под их юрисдикцией права и свободы, определенные в Конвенции и Протоколах к ней (ст. 1 Конвенции). И в том случае, если на территории государства – участника Конвенции имело место нарушение прав или свобод конкретного лица, провозглашенных Конвенцией и Протоколами к ней, это государство признается ЕСПЧ нарушившим Конвенцию. Государство – участник Конвенции, признанное нарушившим Конвенцию, обязано устранить не только само нарушение, но и причины, приведшие к возможности такого нарушения. Иными словами, государство – участник Конвенции, признанное нарушившим Конвенцию,

¹ Официальный перевод текста Конвенции о защите прав человека и основных свобод на русский язык опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

должно осуществить какое-либо мероприятие (ряд мероприятий), чтобы исключить возможность повторения подобных ситуаций.

Сказанное позволяет подчеркнуть специфику дел, рассматриваемых ЕСПЧ: предметом разбирательства всегда является жалоба на нарушение государством — участником Конвенции прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней. При этом вопрос о таком нарушении может быть поставлен как любым государством — участником Конвенции (межгосударственное дело)¹, так и частным лицом путем подачи индивидуальной жалобы (ст. 33, 34 Конвенции).

Принципиально важным является то, что **жалобы на нарушения прав и свобод**, направленные против государства — участника Конвенции, по сути, **обращены к его органам (государственным органам)**, которые в процессе своей деятельности не смогли исключить возможность нарушения прав и свобод конкретного лица или группы лиц. Иными словами, *в ЕСПЧ рассматривается вопрос, действительно ли властными органами (органами законодательной, исполнительной или судебной власти) конкретного государства — участника Конвенции создана ситуация, при которой имело место нарушение прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней.*

Такое нарушение может быть последствием того, что:

— **законодательной властью не было сформулировано четкого правила для типичных ситуаций, и образовавшаяся в результате правовая неопределенность создала опасность нарушения прав, провозглашенных Конвенцией и Протоколами к ней.**

Наиболее ярким примером, здесь, пожалуй, будет противоречивость норм подведомственности дел с участием коммерческих организаций и граждан, которая не исключает возможность неоднократной передачи дел из суда общей юрисдикции в арбитражный суд. Так, заявитель жаловался в ЕСПЧ на чрезмерную длительность рассмотрения его дела, которая, как установил ЕСПЧ, вызвана противоречивостью норм российского права, регулирующих подведомственность дел с участием коммерческих организаций и физических лиц².

¹ Жалобы государств — участников Конвенции не представляют интереса для целей настоящей работы и не будут здесь рассматриваться.

² Постановление ЕСПЧ от 24 марта 2006 г. по делу «Бабурин против России», жалоба № 55520/00 (CASE OF BABURIN v. RUSSIA). Аналогичная позиция изложена в постановлении ЕСПЧ от 22 июня 2006 г. по делу «Авакова против России», жалоба № 30395/04 (CASE OF AVAKOVA v. RUSSIA).

ЕСПЧ подчеркнул, что результатом применения российскими судами этих правовых норм в данном случае явилась повторяющаяся передача дела из судов общей юрисдикции в арбитражные суды и обратно, что и привело в конечном счете к нарушению права на справедливое судебное разбирательство в разумные сроки (п. 1 ст. 6 Конвенции);

– сложившаяся административная практика является неправомерной, и отсутствие мер ответственности органов исполнительной власти создало опасность нарушения прав, провозглашенных Конвенцией и Протоколами к ней.

Практика ЕСПЧ демонстрирует немало примеров, когда административная практика органов государства явно противоречит положениям Конвенции и Протоколов к ней. Например, заявитель, являющийся адвокатом, обратился в ЕСПЧ с жалобой, указывая следующие обстоятельства¹. Органами прокуратуры было возбуждено уголовное дело в отношении ряда лиц, и в связи с этим следователь прокуратуры постановил провести обыск в квартире заявителя, который был представителем некоторых из указанных лиц. Это постановление было мотивировано тем, что в квартире заявителя могли находиться предметы и документы, имеющие значение для расследования этого дела. В итоге квартира заявителя была обыскана; у него были изъяты документы и компьютер. Требование о признании обыска и изъятия незаконным, предъявленное заявителем в суд, было отклонено (суд признал, что обыск был произведен в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством); суд кассационной инстанции подтвердил правильность вынесенного судебного решения. ЕСПЧ признал данную жалобу приемлемой в части указания на нарушение ст. 8 Конвенции, предоставляющей право на уважение частной жизни; ст. 13 Конвенции, гарантирующей право на эффективное средство правовой защиты (у заявителя не было реальной возможности защитить свои нарушенные права); ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, направленной на защиту права на имущества (сложившаяся административная практика привела к тому, что заявитель был лишен своего имущества);

– судебные органы при разрешении спора отступали от основных принципов судопроизводства или нарушали правила порядка судопроиз-

¹ Решение ЕСПЧ от 30 июня 2006 г. относительно приемлемости жалобы «Смирнов против России» № 71362/01 (CASE OF SMIRNOV v. RUSSIA).

водства, чем создавали опасность нарушения прав, провозглашенных Конвенцией и Протоколами к ней.

Самыми распространенными, пожалуй, будут дела, в которых заявители жалуются на чрезмерную длительность судебного разбирательства. Например, по одному из дел ЕСПЧ установил, что заявитель оспаривал в суде общей юрисдикции свое увольнение, требуя выплаты заработной платы за период вынужденной безработицы. Рассмотрение дела продолжалось 6 лет 10 месяцев и 26 дней, в результате чего суд прекратил производство по делу на том основании, что компания-работодатель (ответчик) ликвидирована¹. В настоящем деле ЕСПЧ признал, что допущенная судами волокита повлекла за собой нарушение права заявителя на справедливый суд (п. 1 ст. 6 Конвенции).

2. Важным представляется подчеркнуть следующее: несмотря на то, что предметом большинства дел, рассматриваемых ЕСПЧ, являются жалобы физических лиц (граждан), это вовсе не свидетельствует о том, что подобные нарушения не допускаются в отношении прав юридических лиц и, в частности, коммерческих организаций; этому есть иное объяснение.

Дело в том, что достаточно длительное время превалировало мнение о том, что в ЕСПЧ коммерческие организации обращаться не могут. В известной степени оно было основано на наименовании Конвенции, которое содержит указание на права и свободы *человека*; отчасти – на неправильной трактовке положений ст. 34 Конвенции, предусматривающей возможность обращения в ЕСПЧ физических лиц, неправительственных организаций или группы частных лиц.

Это неверное представление привело к тому, что отечественными коммерсантами (индивидуальными предпринимателями и коммерческими организациями) практически не использовался такой способ защиты, как обращение в ЕСПЧ. В результате вопросы нарушения прав участников российского экономического оборота попросту не попадали в «орбиту» внимания ЕСПЧ. Указанное заблуждение в отношении возможностей ЕСПЧ рассматривать жалобы коммерческих организаций повлекло также и то, что его прецедентная практика не анализировалась для целей ее учета при разрешении именно коммер-

¹ См., например, постановление ЕСПЧ от 23 июня 2005 г. по делу «Зименко против России», жалоба № 70190/01 (CASE OF ZIMENKO v. RUSSIA).

ческих споров. И, следовательно, не оказывала того влияния, которое, по сути, должна была бы оказывать (в том числе и на отправление правосудия в арбитражных судах РФ).

Данное ошибочное убеждение, чрезвычайно распространенное не только в среде российских коммерсантов, но и в отечественном судебском сообществе, было в некотором роде «подорвано» постановлением ЕСПЧ, вынесенным по индивидуальной жалобе российского акционерного общества «Совтрансавто против Украины»¹. Затем последовало еще несколько решений и постановлений ЕСПЧ, которые были вынесены по жалобам юридических лиц. Так, сравнительно недавно ЕСПЧ вынес постановление по индивидуальной жалобе «ООО «Русатоммет» против России», предметом которой было длительное неисполнение вступившего в силу решения арбитражного суда².

Таким образом, неправильный вывод о том, что в ЕСПЧ принимает к рассмотрению только индивидуальные жалобы физических лиц, был очередной раз опровергнут постановлением по конкретному делу.

Однако необходимо кратко проанализировать конвенционные основы для такого вывода.

Согласно ст. 34 Конвенции с индивидуальной жалобой против государства – участника Конвенции может обратиться только физическое лицо, неправительственная организация или группа частных лиц. Не останавливаясь на трактовке термина «физическое лицо», необходимо отметить, что *термином «неправительственные организации» в практике ЕСПЧ охватываются не только некоммерческие и общественные организации, но и организации, преследующие цели извлечения прибыли вне зависимости от того, являются ли они юридическими лицами* (в том числе в связи с неполучением статуса юридического лица или его утраты). Практика ЕСПЧ знает немало решений, вынесенных по делам, инициированным неправительственными организациями – профсоюзами и иными профессиональными организациями, а также банками, страховыми компаниями, различными коммерческими организациями и т.д. Все они вправе обращаться в ЕСПЧ по вопросам,

¹ Постановление ЕСПЧ от 2 октября 2003 г. по делу «Совтрансавто Холдинг против Украины», жалоба № 48553/99 (CASE OF SOVTRANSAVTO HOLDING v. UKRAINE).

² Постановление ЕСПЧ от 14 июня 2005 г. по делу «ООО «Русатоммет» против России», жалоба № 61651/00 (CASE OF RUSATOMMET LTD. v. RUSSIA) // Вестник ВАС РФ. 2006. № 1.

связанным с нарушением принадлежащих им прав, признаваемых Конвенцией, как самостоятельно, так и совместно с иными лицами.

В то же время правительственные или иные государственные органы (органы, обладающие политической властью), а также должностные лица таким правом обращения с индивидуальной жалобой в ЕСПЧ не обладают. Отказывая в признании за государственными органами (например, муниципалитетами и образованными ими органами) правомочия подавать индивидуальные жалобы, ЕСПЧ тем самым обоснованно исключает из своего ведения внутригосударственные споры — споры между различными ветвями власти одного государства¹.

3. Статья 46 Конвенции предусматривает, что государства — участники Конвенции обязуются исполнять окончательные постановления ЕСПЧ по делам, в которых они являются сторонами. Из этого положения вытекает несколько весьма важных выводов.

3.1. Конвенция говорит об обязательности исполнения окончательных постановлений. Это требует разъяснений в отношении того, что же следует понимать под термином «окончательное постановление».

В тех случаях, когда индивидуальная жалоба принимается к производству в ЕСПЧ, решается вопрос о ее приемлемости, о чем ЕСПЧ выносит *решение (решение о приемлемости)*. Если в отношении приемлемости жалобы вынесено положительное решение (она признана приемлемой), ЕСПЧ по общему правилу рассматривает ее по существу, если отрицательное (жалоба признана неприемлемой) — это решение становится окончательным и дело снимается со слушания (вычеркивается из списка)².

¹ Интересным с этой точки зрения является постановление ЕСПЧ от 27 июля 2006 г. по делу «Канаев против России» (CASE OF KANAYEV v. RUSSIA), жалоба № 43726/02. Как следует из жалобы, военный суд вынес решение о присуждении заявителю, офицеру Вооруженных Сил России, 598 рублей компенсации транспортных расходов и 202 рубля судебных расходов. Решение, однако, окончательно было исполнено только через два года. ЕСПЧ признал нарушенным право заявителя на имущество (ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции), но не нашел оснований для применения п. 1 ст. 6 Конвенции, поскольку счел, что вследствие достаточно высокого должностного положения заявителя он является носителем части суверенной власти государства, что не позволяет рассматривать его трудовой спор с властями в качестве гражданского спора.

² Подробнее о порядке деятельности ЕСПЧ см.: Рожкова М.А., Афанасьев Д.В. Новые правила обращения в Европейский Суд по правам человека. Текст Регламента, новеллы, комментарии. М.: Статут, 2004.

По итогам рассмотрения жалобы по существу ЕСПЧ выносит *постановление (окончательное постановление)*, в котором делает вывод о том, имело ли место нарушение провозглашенных Конвенцией прав конкретного лица. В случае установления факта нарушения прав конкретного лица ЕСПЧ указывает первопричину, приведшую к этому нарушению, и тем самым способствует ее устранению.

3.2. В Конвенции упоминается **об обязательности исполнения** государством — участником Конвенции только тех постановлений ЕСПЧ, которые приняты **по делам против данного государства**. Иными словами, постановление ЕСПЧ, в котором установлено нарушение прав человека, гарантированных Конвенцией, является обязательным для исполнения тем государством, жалоба против которого была предметом рассмотрения в данном деле. Однако это постановление ЕСПЧ не носит обязательного характера для иных государств — участников Конвенции, которые в этом деле не участвовали и не требует от них действий по его исполнению.

Сказанное ничуть не умаляет значимость прецедентной практики ЕСПЧ, а, напротив, позволяет подчеркнуть то обстоятельство, что государства — участники Конвенции не исполняют, но обычно учитывают те постановления ЕСПЧ, которые вынесены в отношении других государств — участников Конвенции. То есть государства — участники Конвенции принимают во внимание *всю практику* ЕСПЧ. Указанное обстоятельство объясняется весьма просто — такой подход позволяет избежать допущения новых нарушений Конвенции и, как следствие, новых постановлений ЕСПЧ, которыми признается нарушение конкретным государством принятых на себя международных обязательств.

Безусловно, с формальной точки зрения государства — участники Конвенции не возлагали на себя обязательства следовать всем актам ЕСПЧ. Однако игнорирование государствами — участниками Конвенции постановлений, принимаемых в отношении иных стран, было бы неверным: ЕСПЧ признает себя связанным прецедентом при рассмотрении последующих жалоб и обычно указывает в своих постановлениях на сложившуюся прецедентную практику. Таким образом, нарушение Конвенции и Протоколов к ней, выявленное ЕСПЧ в отношении одного государства, является для всех иных государств — участников Конвенции своего рода «предупреждением» о том, что оно должно предпринять определенные меры для исклю-

чения подобных ситуаций. В противном случае государство — участник Конвенции становится потенциальным «ответчиком».

Говоря о значимости постановлений, нельзя обойти вниманием вопрос влияния на внутреннее законодательство государств — участников Конвенции, а также их административную и судебную практику других актов ЕСПЧ — решений о приемлемости.

Дело в том, *что противоположения, содержащиеся в решениях о приемлемости жалоб, имеют ту же силу и значимость, что и постановления, вынесенные против других государств — участников Конвенции.* То есть они не являются обязательными к исполнению по смыслу ст. 46 Конвенции, но должны учитываться для тех же целей — для целей избежать нарушения прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней.

Резюмируя вышесказанное, можно говорить о том, *что обязательным к исполнению для государства, которое признано нарушителем Конвенции, является только постановление по жалобе, поданной против него; однако государства — участники Конвенции должны учитывать всю практику ЕСПЧ для цели избежать нарушения Конвенции и Протоколов к ней.*

3.3. Как уже говорилось, постановление ЕСПЧ, вынесенное в отношении конкретного государства — участника, имеет для него обязательную силу. При этом важным является то, *что ЕСПЧ никогда своим постановлением не обязывает государство принять конкретное судебное решение, изменить сложившуюся административную практику либо пересмотреть внутреннее законодательство* — он только констатирует нарушение государством — участником Конвенции прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней (констатирует нарушение государством принятых на себя международных обязательств). Таким образом, ЕСПЧ не отменяет решение, вынесенное государственным органом власти (в том числе судебным органом); не дает указаний законодательным органам государства; не контролирует законодательство либо судебную или административную практику; не дает властным органам государства распоряжений о принятии мер, имеющих правовые последствия, и не вмешивается каким-либо иным образом в деятельность властного органа, в отношении которого подавалась рассмотренная жалоба. Противоположный подход создавал бы угрозу статусу государства — участника Конвенции как суверенного государства¹.

¹ Развивая сказанное, хотелось бы специально подчеркнуть, что ЕСПЧ не является высшей инстанцией по отношению к судебной системе России (как государства —

4. Помимо вывода относительно факта нарушения государством — участником Конвенции прав, гарантированных Конвенцией, ЕСПЧ в своем постановлении решает вопросы возмещения заявителю ущерба, причиненного нарушением его прав, а также возмещения его судебных расходов, которые в совокупности охватываются термином «справедливая компенсация»¹. При этом государство — участник Конвенции, признанное нарушителем, может быть присуждено не только к выплате заявителю справедливой компенсации, но и к выплате процентов на случай несвоевременного исполнения обязанности по возмещению материального и неимущественного вреда заявителю.

Например, в постановлении по упомянутому выше делу «ООО «Русатоммет» против России» ЕСПЧ отметил следующее: «Решение арбитражного суда г. Москвы от 10 апреля 2002 г. остается невыполненным до настоящего времени. Европейский Суд полагает, что выплата властями Российской Федерации суммы, причитающейся компании-заявителю в соответствии с судебным решением, явится полным и окончательным разрешением спора. Следовательно, Европейский Суд присуждает компании-заявителю 100 тыс. долларов США в качестве материального ущерба... Европейский Суд полагает, что в результате установленного нарушения компании-заявителю был причинен вред, в качестве компенсации которого не может служить простое признание Европейским Судом факта нарушения. Разрешая вопрос на справедливой основе, Европейский Суд присуждает компании — заявителю 2 тыс. евро в качестве компенсации неимущественного вреда... Европейский Суд полагает, что процентная ставка в случае неисполнения обязательства должна основываться на предельной годовой ставке кредитования Европейского центрального банка плюс три процента».

Однако надо отметить, что справедливая компенсация не является наказанием государства — участника Конвенции, признанного нарушителем положений Конвенции и Протоколов к ней. В ответ на

участника Конвенции). В силу этого ЕСПЧ не правомочен, например, отменить вынесенное судебное решение и направить дело на новое рассмотрение либо пересмотреть его по существу; однако он полномочен указать на факты нарушения прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней, которые были допущены российскими судебными органами при разбирательстве дел.

¹ Иными словами, «справедливая компенсация» предоставляется заявителю на основании ст. 41 Конвенции для возмещения: (а) материального ущерба, причиненного нарушением прав, гарантированных Конвенцией; (б) нематериального ущерба; (в) судебных расходов и издержек.

требования некоторых заявителей присудить выплату денежных средств в качестве наказания за допущенное государством нарушение Конвенции и Протоколов к ней ЕСПЧ неоднократно отмечал, что не видит для того никаких оснований. Проценты, назначаемые ЕСПЧ за просрочку срока, установленного для выплаты денежной компенсации, также не преследуют цели наказания и назначаются в размере предельной годовой ставки кредитования Европейского центрального банка плюс три процента.

5. Констатация ЕСПЧ одного или нескольких нарушений положений Конвенции и Протоколов к ней налагает на государство — участника Конвенции, признанного нарушителем, определенные обязанности по исполнению постановления (хотя, как указывалось выше, ЕСПЧ в постановлении прямо не возлагает на государство никаких обязанностей). Эти обязанности включают в себя:

– во-первых, обязанность государства положить конец выявленному конкретному нарушению и устранить его последствия, восстановив ситуацию, существовавшую до нарушения прав заявителя;

– во-вторых, обязанность государства принять общие действенные меры для предотвращения новых нарушений Конвенции и Протоколов к ней, подобных нарушению, выявленному данным постановлением ЕСПЧ.

Данные обязанности есть международные обязательства, принятые каждым государством — участником Конвенции при вступлении в нее.

Государство — участник Конвенции, признанное нарушившим гарантированные Конвенцией и Протоколами к ней права, не может уклониться от исполнения упомянутых обязанностей. За исполнением постановлений ЕСПЧ в части выплаты справедливой денежной компенсации следит Комитет Министров Совета Европы (это предусмотрено п. 2 ст. 46 Конвенции). То есть Комитет Министров, куда передаются все постановления ЕСПЧ, проверяет, были ли государством — участником Конвенции, признанным нарушителем положений Конвенции и Протоколов к ней, приняты адекватные меры по исполнению обязанностей, вытекающих из постановления ЕСПЧ (или обязанностей, принятых этим государством в случае достижения дружественного урегулирования).

Необходимо подчеркнуть, что осуществляется именно проверка исполнения. Эта проверка осуществляется в форме наблюдения за зако-

нодательными или административными реформами, которые проводятся государством — участником Конвенции, признанным нарушителем положений Конвенции и Протоколов к ней, но Комитет Министров не уполномочен прямо вмешиваться в выполнение постановления по делу государством, которое было признано нарушителем.

Кроме того, Комитет Министров, контролируя выплату государством — участником Конвенции, признанным нарушителем, как суммы справедливой компенсации, так и процентов за просрочку исполнения (если нарушен трехмесячный срок исполнения по денежным выплатам). В силу этого данное государство должно информировать Комитет Министров о факте и дате выплаты присужденной справедливой компенсации. Факт и дата выплаты регистрируются, и в случае их соответствия условиям, определенным ЕСПЧ в постановлении, Комитет Министров закрывает финансовый аспект дела.

Таким образом, ни одно государство — участник Конвенции не принуждается силой к исполнению постановления ЕСПЧ. Но за всю многолетнюю деятельность ЕСПЧ не было зафиксировано ни одного случая открытого отказа государства — члена Совета Европы от исполнения вынесенного постановления. Напротив, государство — участник Конвенции может, например, констатировать, что при существующем нормативно-правовом регулировании и сложившейся судебной практике рассмотренная ЕСПЧ ситуация может повториться, и само вносит необходимые новации в национальное законодательство.

6. Выше была рассмотрена обязательность исполнения постановлений ЕСПЧ: она подразумевает обязанность государства, признанного нарушителем прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней, принять меры частного и общего характера для целей устранить последствия этого нарушения и создать предпосылки для недопущения в будущем подобных нарушений. То есть обязательными для исполнения Россией, как государством — участником Конвенции являются окончательные постановления ЕСПЧ, вынесенные по делам, в которых Россия является стороной. Обязанность исполнять постановления ЕСПЧ — это обязанность, вытекающая из международного договора (Конвенции), участником которого является Россия.

Вместе с тем, как уже указывалось ранее, в силу ст. 46 Конвенции иные акты ЕСПЧ (постановления, вынесенные против иных государств — участников Конвенции, и все решения о приемлемости) не

являются для России обязательными к исполнению, однако могут оказывать воздействие на законодательство, административную и судебную практику России, как государства — участника Конвенции.

Сказанное позволяет провести следующее разграничение:

(1) *обязательной для исполнения Россией в силу международного договора является резолюция ЕСПЧ, содержащаяся в постановлении ЕСПЧ, вынесенном по жалобе против России* (о признании нарушения положений Конвенции и Протоколов к ней, допущенного Россией, возмещения причиненного заявителю вреда и т.д.);

(2) *обязательными для учета российскими государственными органами являются правоположения, содержащиеся во всех актах ЕСПЧ* (всех постановлениях и решениях о приемлемости) для целей исключения ситуаций нарушения прав граждан и организаций, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней. Таким образом, *все правоположения, сформулированные в прецедентной практике ЕСПЧ, должны учитываться российскими государственными органами*¹.

Правоположения, сформулированные в прецедентах ЕСПЧ, суть положения Конвенции, которым ЕСПЧ дал необходимое толкование. ЕСПЧ, являясь единственным органом, уполномоченным официально толковать и разъяснять весьма краткие формулировки положений Конвенции и Протоколов к ней, реализуя эту компетенцию, тем самым расширяет границы действия Конвенции и наполняет ее положения новым смыслом. В связи с этим можно говорить о том, что положения Конвенции находятся в постоянном развитии, которое напрямую зависит от появления новых постановлений ЕСПЧ (иногда говорят, что Конвенция — это то, что о ней говорится в постановлениях ЕСПЧ). Толкование и разъяснение положений Конвенции, даваемое ЕСПЧ, имеет целью снизить вероятность нарушений прав, провозглашенных Конвенцией и Протоколами к ней, в государствах — участниках Конвенции. Следовательно, применение Конвенции в правовой системе всякого государства — участника Конвенции возможно только так, как она понимается в практике ЕСПЧ².

¹ Подробнее см.: *Рожкова М.А., Афанасьев Д.В.* Правоположения Европейского Суда по правам человека и их значимость для арбитражных судов Российской Федерации // *Хозяйство и право.* 2007. № 3, 4.

² Комитет Министров в своих рекомендациях указывал следующее: «Необходимое условие эффективной защиты прав человека в Европе с помощью Конвенции состоит в том, что государства применяют Конвенцию в своих правовых системах так, как она

7. Переходя к вопросу понятия «имущество» в практике ЕСПЧ, необходимо осветить существующую проблему терминологии.

Наличие данной проблемы обнаруживается при прочтении перевода постановлений ЕСПЧ по конкретным делам. Например, при переводе постановления ЕСПЧ по делу «Бурдов против России»¹, опубликованного в «Российской газете»², указывалось следующее: «Суд вновь напоминает, что **«судебный иск»** *может пониматься как «собственность»* по смыслу Статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в случае, если в достаточной мере установлено, что оно может быть юридически реализовано». В переводах более поздних постановлений по жалобам против России встречаем указание на то, «что **«требование»** *может пониматься как «собственность»* по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции»³ либо ссылку на то, «что «исковое требование» ... может составлять «собственность» по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции»⁴ (курсив мой. — М.А.). Термин «собственность», употребляемый в указанных постановлениях, не позволяет уяснить смысл и значимость сформулированных ЕСПЧ правоположений.

Вероятно, рассмотрение данного вопроса можно начать с того, что первоначально официальный перевод ст. 1 Протокола № 1⁵ был дословно следующим:

понимается в практике Европейского суда» (п. 3 Рекомендации Комитета Министров Совета Европы Rec(2004)5 государствам – членам по вопросу контроля за соответствием проектов законов, действующих законов и практики их применения стандартам, закрепленным в Европейской конвенции по правам человека, принятой 12 мая 2004 г.).

¹ Постановление ЕСПЧ от 7 мая 2002 г. по делу «Бурдов против России», жалоба № 59498/00 (CASE OF BURDOV v. RUSSIA).

² Российская газета. 2002. № 120 (2988). 4 июля.

³ См., например, постановления ЕСПЧ от 7 мая 2003 г. по делу «Тимофеев против России», жалоба № 58263/00 (CASE OF TIMOFEYEV v. RUSSIA); от 18 ноября 2004 г. по делу «Вассерман против России», жалоба № 15021/02 (CASE OF WASSERMAN v. RUSSIA); от 24 февраля 2005 г. по делу «Макарова против России», жалоба № 7023/03 (CASE OF MAKAROVA v. RUSSIA); от 24 февраля 2005 г. по делу «Плотниковы против России», жалоба № 43883/02 (CASE OF PLOTNIKOVY v. RUSSIA) и др.

⁴ См., например, постановления ЕСПЧ от 30 июня 2005 г. по делу «Тетерины против России», жалоба № 11931/03 (CASE TETERINY v. RUSSIA); от 7 июля 2005 г. по делу «Малиновский против России», жалоба № 41302/02 (CASE OF MALINOVSKIY v. RUSSIA); от 7 июля 2005 г. по делу «Шпаковский против России», жалоба № 41307/02 (CASE OF SHPAKOVSKIY v. RUSSIA); от 12 июля 2005 г. по делу «Солодюк против России», жалоба № 67099/01 (CASE OF SOLODYUK v. RUSSIA), и др.

⁵ Этот официальный перевод текста Протокола № 1 к Конвенции на русский язык опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации. 1998. № 20. Ст. 2143.

«Статья 1

Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами, или других сборов или штрафов».

Протоколом № 11 к Конвенции текст самой Конвенции и Протоколов к ней был существенно изменен, изменена нумерация ее статей и введены их заголовки.

В частности, ст. 1 Протокола № 1 получила название «Protection of property», что в официальном переводе звучит как «Защита собственности»¹; претерпел существенные изменения и перевод текста самой статьи. Теперь официальный перевод на русский язык ст. 1 Протокола № 1 следующий:

«Статья 1

Защита собственности

Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества, иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов и штрафов».

Содержащееся сегодня в официальном переводе Протокола № 1 к Конвенции на русский язык указание на «собственность» (в названии самой статьи и ее тексте) представляет собой не что иное, как неточность, допущенную при переводе на русский язык терминов «property» (в названии и абзаце втором текста статьи) и «possessions»

¹ Этот официальный перевод текста Протокола № 1 к Конвенции на русский язык опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

(в абзаце первом текста статьи). Термин «собственность», используемый при переводе на русский язык, использован как эквивалент понятия «имущество» (т.е., по сути, в переводе использован «бытовизм»), что подтверждает также и второе предложение абз. 1 рассматриваемой статьи.

Исходя из сказанного и толкования ст. 1 Протокола № 1 в практике ЕСПЧ, представляется ясным, что эта статья предусматривает **право на имущество**.

Возможно, допустимо было бы смириться с употреблением слова «собственность» в значении «имущество». И с учетом этого нюанса корректно, например, пояснение Д. Гомиен, согласно которому ст. 1 Протокола № 1 гарантирует право, которое «обычно называют правом *на* собственность»¹ (курсив мой. — М.А.).

Однако подмена понятия «имущество» словом «собственность», как выяснилось, осталась незамеченной большинством отечественных юристов. И, казалось бы, небольшая погрешность перевода, вошедшая в текст официального перевода Конвенции, повлекла за собой весьма серьезные негативные последствия.

Прецедентная практика ЕСПЧ свидетельствует о весьма широком толковании им понятия «имущество». Как пишет М. Карсс-Фриск, ЕСПЧ относит к имуществу: «...движимое и недвижимое имущество, материальные и нематериальные интересы, такие как акции, патенты, искомое решение арбитража, право на пенсию, право домовладельца на взыскание арендной платы, экономические интересы, связанные с ведением бизнеса, право заниматься той или иной профессией, правомерное ожидание применения определенных условий к индивидуальной ситуации, требующей правового разрешения, правопритязание и вопрос о посещении кинотеатра зрителями»². Иными словами, под указанное понятие подпадают не только вещи (в классическом их понимании), которые могут принадлежать частным лицам на праве собственности. Под имуществом ЕСПЧ понимает и другое имущество, имущественные права и интересы, а также иные объекты-активы, за которыми признается определенная экономическая ценность (на-

¹ Гомиен Д. Путеводитель по Европейской Конвенции о защите прав человека. Страсбург. Издание Совета Европы. 1994. С. 83.

² Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Право на собственность: Сборник. М., 2002. С. 4.

пример, создание собственной клиентуры, лицензии на осуществление определенной экономической деятельности и т.п.).

Между тем допущенная неточность перевода явилась источником широко распространенного мнения о том, что в ст. 1 Протокола № 1 закреплено право собственности как одно из основных прав человека¹. Это убеждение в том, что анализируемая статья гарантирует «в сущности, право собственности»², демонстрирует непонимание разницы между *правом собственности и объектами имущественных прав*, правом собственности и «экономическими активами», свидетельствует об отождествлении этих понятий.

Результат такой трактовки проявляется в попытках некоторых отечественных юристов применять конструкции права собственности к обладанию лицензией на продажу спиртных напитков, к «доброму имени», к результатам интеллектуальной собственности, к созданию клиентуры и пр. Поскольку такой подход изначально бесперспективен, делается вывод о том, что «категория права собственности в ЕКПЧ (Конвенции. — М.А.) имеет автономное значение, которое может не совпадать с тем, которое принято в национальных правовых системах... Таким образом, на международном уровне действует особое, независимое от внутринациональной интерпритации, понятие права собственности»³. Ну, действительно, как еще в этом случае можно объяснить распространение положений ст. 1 Протокола № 1 на объекты, не обладающие свойством материальности (телесности): результаты интеллектуальной собственности и исключительные права на них, доли в уставном капитале хозяйственных обществ, бездокументарные ценные бумаги, и т.д.

Проанализировав широкий спектр разнообразных «экономических активов», которые ЕСПЧ рассматривает как имущество и признает подпадающими под правило ст. 1 Протокола № 1, можно утверждать, что речь идет не об «автономном значении *права собственности*», а о весьма прогрессивном подходе ЕСПЧ к толкованию понятия «имущество». Иными словами, можно говорить о том, что

¹ См., например: *Старженецкий В.В.* Россия и Совет Европы: право собственности. М.: Городец, 2004. С. 46.

² Вопросы применения Европейской Конвенции по правам человека: Сборник / Сост. М.Б. Лобов, Ю.Я. Чардина. М., 2001 (<http://www.memo.ru/hr/refugees/sem9rus/index.html>)

³ *Старженецкий В.В.* Указ. соч. С. 46 и сл.

ЕСПЧ весьма широко толкует понятие «имущество», обобщая передовые тенденции, еще намечающиеся в национальных правовых системах европейских стран, и распространяя положения ст. 1 Протокола № 1 на все объекты, обладающие экономической ценностью (включая те, которые прямо не признаются объектами гражданских прав в большинстве национальных правовых систем). И в связи с этим можно говорить о реальной значимости правовых стандартов, создаваемых в правоположениях ЕСПЧ, которые необходимо учитывать при совершенствовании национального гражданского законодательства и при формировании административной и судебной практики.

Резюмируя изложенное, можно утверждать, что для правильного понимания и применения правоположений, сформулированных в постановлениях и решениях ЕСПЧ, необходимо исходить из того, что ст. 1 Протокола № 1 защищает право на имущество. С учетом расширительного толкования ЕСПЧ понятия «имущества» под положения данной статьи подпадают объекты, имеющие для частного лица экономическую ценность, в том числе, например, право на получение арендной платы, деловая репутация, подтвержденное судебным решением право (требование), право заниматься профессиональной деятельностью, и пр.

ЕСПЧ рассмотрел немало жалоб против России, где указывалось на нарушение прав, гарантированных ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции. В большинстве случаев у ЕСПЧ не было нужды давать толкование понятию «имущество», поскольку рассматриваемые объекты бесспорно к нему относились, подпадая под понятие объектов имущественного оборота.

Так, в деле «Фризен против России» имуществом являлся автомобиль и личные вещи заявительницы¹. При рассмотрении этого дела ЕСПЧ установил следующее. Муж заявительницы был признан виновным в совершении преступления и приговорен к лишению свободы с конфискацией имущества. При конфискации его имущества были конфискованы личные вещи заявительницы, а также автомобиль, принадлежащий ей на праве собственности. Заявительница обратилась в суд с требованием об отмене постановления о конфискации в отношении ее личных вещей и автомобиля, которое судом было удовле-

¹ Постановление ЕСПЧ от 24 марта 2005 г. по делу «Фризен против России», жалоба № 58254/00 (CASE OF FRIZEN v. RUSSIA).

творено в отношении личных вещей заявительницы и отклонено в отношении автомобиля без ссылки на какую-либо норму права.

Как установил ЕСПЧ, такое решение было принято российским судом по той причине, что автомобиль был куплен за деньги, полученные мужем заявительницы незаконным путем, и конфискация автомобиля была направлена на возмещение ущерба, причиненного преступлением. ЕСПЧ согласился с правильностью позиции российского суда о необходимости защиты общественных интересов (как это имело место в данном случае). Однако при этом он указал, что это не освобождало российские судебные власти от обязанности привести юридическое обоснование принятого ими решения (ни при разрешении уголовного дела в отношении мужа, ни в гражданском процессе правового обоснования конфискации автомобиля приведено не было). В отсутствие такого обоснования лишение заявительницы имущества (здесь: принадлежащего ей на праве собственности) не может рассматриваться в качестве законного и является нарушением ее права, гарантированного Конвенцией, – права на имущество.

Но в некоторых случаях квалификация того или иного объекта в качестве «имущества» требовала от ЕСПЧ дополнительных пояснений. И самым ярким примером этому утверждению являются дела, в которых в качестве имущества рассматривалось требование, подтвержденное судебным решением.

В заключение настоящей работы хотелось бы еще раз подчеркнуть, что критикуемая неточность, допущенная при переводе ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, не только создает проблемы при уяснении положений Протокола, но и препятствует надлежащей оценке значимости правоположений ЕСПЧ для развития российского частного права.